

АРМЕНАК АНОПЬЯН

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ НАХИЧЕВАНЦЕВ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ НАХИЧЕВАНЦЕВ

**Арменак Анопьян
(1908–1976)**

Ростов-на-Дону
2018

УДК 908 (470)
ББК 63.3 (2)
Б

ISBN 978-5-91011-116-9

Б 14 Рязанов В. В., Сурженко Т. А. Арменак Анопьян. (Сер. «Жизнь замечательных нахичеванцев»). Ростов-на-Дону, Из-во «Ковчег», 2018. — ??? с., ил.

Книга «Арменак Анопьян» посвящена жизни и творчеству художника и поэта, уроженца Нахичевани-на-Дону Арменака Анопьяна (1908 — 1976). Он был сыном известного армянского поэта начала прошлого века Оноприоса Анопьяна и учеником выдающегося русского художника того же периода Николая Самокиша. Их наполненность творческими исканиями судьбы, честность и благородство служили для него примером всю жизнь. Кто знает, может именно это стремление быть достойным памяти отца и учителя и стала для Арменака Оноприосовича той опорой, что поддерживала его в самые трудные периоды жизни — арест по ложному обвинению, ссылка в годы сталинских репрессий в Сибирь. Книга приурочена к 110-й годовщине со дня рождения А. О. Анопьяна.

Проект осуществлён в рамках культурной программы РРОО «Ново-Нахичеванская-на-Дону армянская община» (председатель правления — А. А. Сурмалян).

ISBN 978-5-91011-116-9

© Рязанов В. В., Сурженко Т. А., 2018
© ООО «Ковчег», 2018

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ НАХИЧЕВАНЦЕВ

Арменак Анопьян (1908–1976)

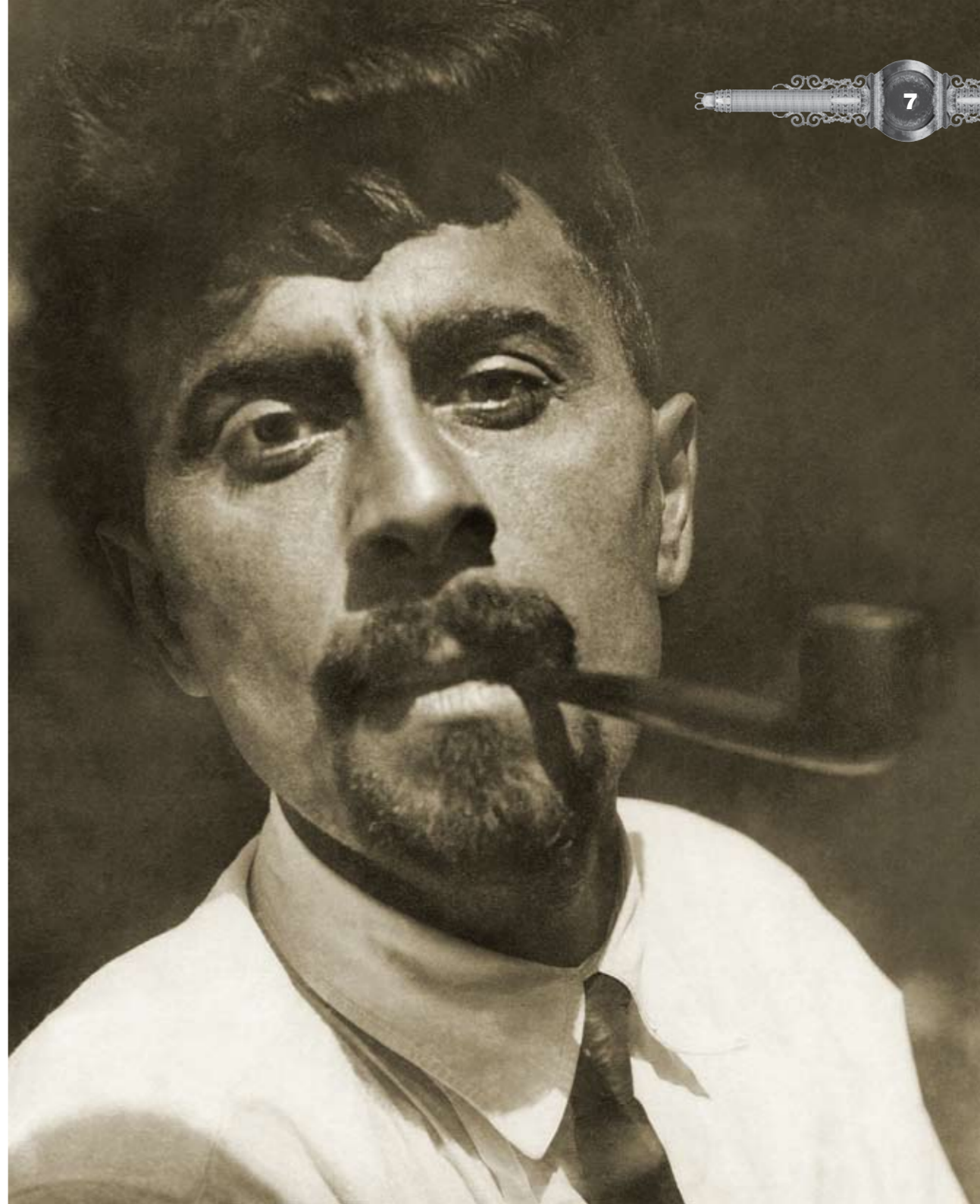
Ростов-на-Дону
2018

Шафрановый закат. Тоска. Пейзаж осенний.
Муаровая тьма. Ожесточенный век.
И солнце в судорогах тревог и опасений,
Как будто дверь прикрыв, ушло как человек.

Я тороплюсь за ним, ищу во тьме дорогу,
Из лабиринта тьмы не выйти мне теперь.
И будет день, когда и я в молчаньи строгом,
Уйду, как ты мой друг, закрыв бесшумно дверь.

20 декабря 1942 г.
Симферополь

Валерий Рязанов, искусствовед

«Наверное, его жизнь должна была сложиться совсем по-другому ...»

За мерзлым узором туманно рисуются дали,
Но то ли Художник избрал, совсем не додумав, мотив,
За окнами мир, который не раз уж ввергали,
В горнило страданий, со взором его перспектив.

Земли, за решеньем проблем, заметна усталости мина.
Морщинами гор озадачен причудливый лоб.
Двадцатого века на них уже исходит лавина,
Но где же то время, чтобы покоем легло б?

Арменак Анопьян

Эти строки написаны одним из самых колоритных крымских художников, учеником Н. С. Самокиша, Арменакон Оноприосовичем Анопьяном. Немногие сегодня помнят его имя, немногие видели его живописные пейзажи, портреты, жанровые картины. Лишь единицы читали его стихи. Он никогда не считал себя профессиональным поэтом. И на самом деле, Арменак Анопьян относился к другому, но не менее высокому сообществу людей. Людей причастных к изобразительному искусству. В этом сообществе он утвердил себя как человек пытливый и тонкий, понимающий сложный мир людей, их мысли, окружающую его природу, иные формы познания жизни.

Судьба художника Арменака Оноприосовича Анопьяна (1908 – 1976), сына жившего на Дону известного армянского поэта Оноприоса Яковлевича Анопьяна (1873 – 1934) и его супруги (урождённой Вартановой) Екатерины Петровны была наполнена не только встречами с яркими удивительными людьми, неповторимыми ландшафтами, но и горечью тяжелых испытаний. Всё это, конечно же, нашло свое отражение в его произведениях. Все беды мужественно преодолевались им. Больше того, они так и не смогли заглушить в художнике главной цели его жизни — остаться

С родителями, бабушкой и младшим братом, 1911 г.

Человеком вопреки всему и несмотря ни на что, быть благодарным и благодарным по отношению как к близким людям, так и людям вообще.

Говоря об Арменаке Оноприосовиче, нельзя не упомянуть о его отце – Оноприосе Яковлевиче Анопьяне. Оноприос Яковлевич Анопьян – популярный в свое время поэт, переводчик, общественный деятель; потомок анийских армян, переселенных Екатериной II из Крыма на Дон. Поэт родился в Нахичевани-на-Дону в 1873 году. Окончил Нахичевано-Бессарабскую духовную семинарию. Имея способности к живописи, О. Я. Анопьян пытался поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, но его попытка, к сожалению, не увенчалась успехом. Работал конторщиком и банковским служащим.

Оноприос Яковлевич Анопьян перевел на армянский язык произведения 62 русских и западноевропейских поэтов. Его главной заслугой перед армянской культурой считается перевод на армянский язык Лермонтова, которого он из русских классиков любил более всего.

«Он принадлежал к поколению поэтов, родившихся во второй половине XIX века, в преддверии лет, чреватых грозами войн и революций. Анопьян может рассматриваться как зеркало своего времени, даже если в его стихах не сразу заметишь ощутимые приметы времени, например, отпечаток декаданса. Чувство внутреннего одиночества, страха от неуверенности, от непонятности всего совершающегося, от осознания бессилия перед лицом катастроф – все это роднит его со многими поэтами начала века, с мироощущением человека эпохи кризиса прежних гуманистических ценностей» (Н. Гомцяц, «Голос Армении»).

В конце XIX и начале XX века Оноприос Анопьян был широко известен. Вплоть до 1920-х годов стихи и переводы поэта печатались в армянской прессе регулярно. Но в последние годы жизни творческая активность поэта заметно снизилась. Этот самый сложный период Оноприос Яковлевич Анопьян передал в одном из своих стихотворений:

*Обломки фраз... Черновики поэта...
Ночь так длинна, и дорог керосин,
Осколки слов... Как много недопето.
Последнее кольцо отнесено в Торгсин...*

Арменаку 4 года

Оноприос Яковлевич
Анопьян

*Работы много, жизнь была несладкой.
Но разве можно темы исчерпать?..
Один вот Лермонтов что стоит... В лихорадке
Спешит перо от мыслей не отстать.
Устало тело. Днем контор обуза,
А до утра – сладчайший шепот с Ней.
Нет дров и хлеба... Но богата Муза —
Она с ним делится всегда казной своей.
Перо бежит. Немного зябко. Осень.
Ярка строфа. Дрожит коптилки свет.
Надолго ль хватит сил?
Туберкулёз не спросит
Успел ли «Демона» перевести поэт...*

Умер Оноприос Яковлевич Анопьян в Симферополе от туберкулеза в 1934 году.

Поэт и переводчик Георгий Кубатьян отмечает: *«Наследие Анопьяна весьма невелико – менее полутора сотен оригинальных стихотворений за сорок с лишним лет. Увы, поэт все время боролся с нуждой и не было в его жизни хотя бы краткого периода, когда он мог бы целиком отдаться поэзии. Нужда и оторванность от литературных центров объясняют и то, что ему не удалось издать ни одной книги; в свою очередь отсутствием книг объясняется забвение, постигшее поэта» (Н. Гомцян, «Забывтое имя»).*

Во многом благодаря сыну Оноприоса Яковлевича, Арменаку Оноприосовичу Анопьяну, наследие поэта не кануло в Лету. Арменак Анопьян составил рукописный свод творчества отца, где жизнь Оноприоса Анопьяна расписана буквально по дням. Но самое главное, что том этот включает в себя оригинальные стихотворения и переводы поэта. Сын не только сохранил литературное наследие отца, но и оставил в истории его образ. На портрете Оноприос Яковлевич изображен с заветным, так и не изданным сборником своих стихов.

Арменак Анопьян
с родителями, 1909 г.

Самокиш в кругу учеников
1934 г.

ступил одним из инициаторов организации семинара по поднятию квалификации начинающих художников.

13 ноября 1930 года в Симферопольской картинной галерее была открыта Всекрымская юбилейная выставка к 10-летию Власти Советов в Крыму. Из лучших работ, представленных на ней, была сформирована передвижная выставка, которая затем экспонировалась в 1931 году в Керчи, Феодосии и Севастополе. Арменак Оноприосович Анопьян участвовал в выставке с картиной «Застигнутые в подполье» (1930, х. м., 200x130), за которую был удостоен 2-й премии (в некоторых источниках названия картины разнятся — «Арест Севастопольского подпольного парткомитета», «Тревога у подпольщиков»).

Здесь стоит упомянуть об оценках прессы, посвящённых творчеству А. О. Анопьяна. Так, газета «Керченский рабочий» за 1931 год писала: *«Революционная война в России представлена одной из лучших картин выставки «Застигнутые в подполье» Анопьяна».*

В итоге картина была приобретена Севастопольской картинной галереей и в 1935 году экспонировалась на выставке «Искусство Советского Крыма», открывшейся в Москве 20 июля в Государственном музее Восточных культур. Помимо «Застигнутых в подполье», из работ А. О. Анопьяна на выставке были представлены натюрморт и портрет художника А. Глаголева.

«Одним из наиболее многообещающих живописцев Крыма является нацмен Анопьян. Он дал, напряжённую по теме, историческую композицию — момент ареста подпольной большевистской типографии. Острая характеристика отдельных людей, драматизм их действий и жестов, спаянность группы — художником решены энергичным рисунком и глубокими контрастами света и тени. Однако академическая чернота цвета ослабляет воздействие вещи. В последних работах Анопьян вплотную подошёл к задаче живописно-пластического решения портретного образа («Портрет Глаголева»). Он начинает решать форму портрета не столько рисунком и тоном, сколько цветом и краской. Жаль, что параллельно с портретом молодой художник не продолжает развивать своего композиционного дарования в жанровых темах» [Красный Крым, 1935, 6 окт.]. Известно, что «Застигнутые в подполье» репродуцировались в 1935 году в газете «Крымский комсомолец».

К юбилею советской власти в Крыму было запланировано открытие памятника «Погибшим в Крыму борцам за революцию» в Пушкинском сквере Симферополя. В марте 1929 года Комиссией по устройству памятника был объявлен конкурс проектов. 31 октября 1929 года в большом зале «Дворца Труда» состоялась выставка проектов памятника. Среди прочих экспонировался и проект, разработанный А. О. Анопьяном. Газета «Красный Крым» сообщает: *«Из 42 поступивших проектов памятника борцам революции в Симферополе большинство выполнено художниками — 25, затем инженерами и архитекторами — 12 и остальные — самоучками и т. д. Ни один из проектов (три скульптурных, остальные — графические) не удовлетворяют целиком идейному и художественному заданию — дать подобие «стены парижских коммунаров». Причины — трудность художественного подхода к образному воплощению идеи и сложность современного совмещения трех принципов в памятнике: 1) как памятника намогильного, 2) как памятника революционерам и 3) как памятника подпольщикам. При просмотре проектов резко бросается подход каждого автора к построению памятника с особенностями своей профессии: архитекторы и инженеры строят свои проекты исключительно архитектурно (Ж. Н., К. Н., Щербина, Зотов, Шевченко и др.); художники — живописно (Людовый) и графично (Панин); скульпторы подходят по своему (Кушнеренко, Медведовский, Кржановский), а рабкор (Сафонов) дает агитку.*

Со стороны идейного содержания наиболее удовлетворительными являются проекты самоучки Анопьяна (однако в нём не соблюден третий принцип памятника) и частично — всех трех скульпторов; непонимание идейной и художественной стороны дали в своих проектах Калущин, Алмазов и, естественно, большинство самоучек — молодёжи; совершенно безыдейные проекты дали К. Н. и К. В. Со стороны художественной формы кроме проекта Анопьяна (простота) — интересны проекты: Пешехонцева (плоскостная архитектурность), Зотова (конструктивность), «Камни» (монументальность), Кушнаренок, Медведовского и Ж.Н.» [Красный Крым, 1929, 30 окт.]. В результате все проекты были отклонены и в ноябре 1930 года был открыт памятник, созданный по проекту А. Н. Глаголева.

С 1931 по 1932 годы Арменак Оноприосович Анопьян (вместе с Самокишем, Глаголевым, Медведовским, Людовым, Шалько, Соловьевым

Газета «Красный Крым»,
1920-е гг.

Арменк с отцом
О.Я. Анопьяном, 1927 г.

С братом Яковом, 1930 г.

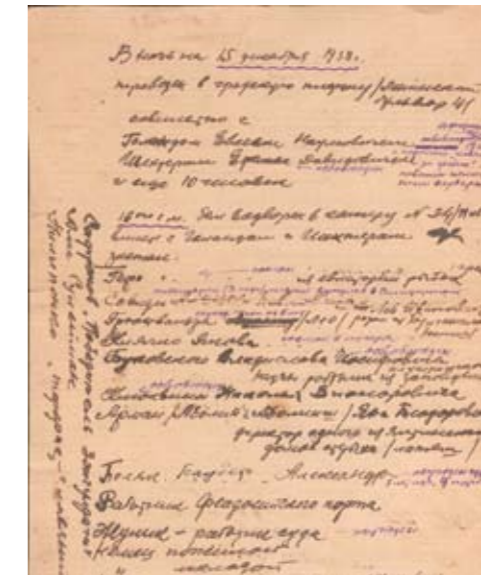
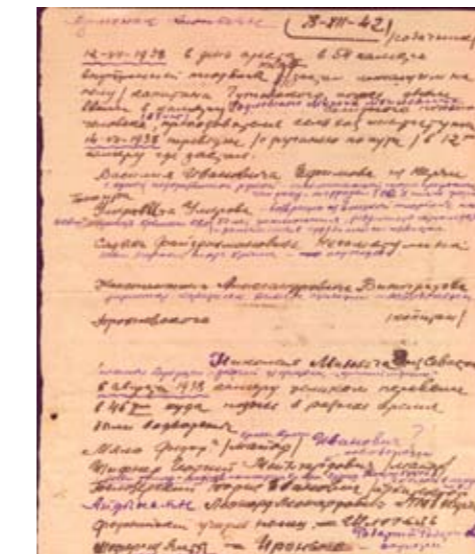
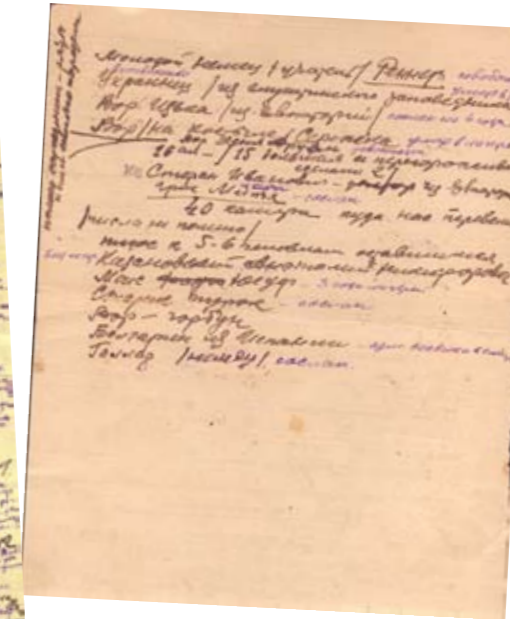
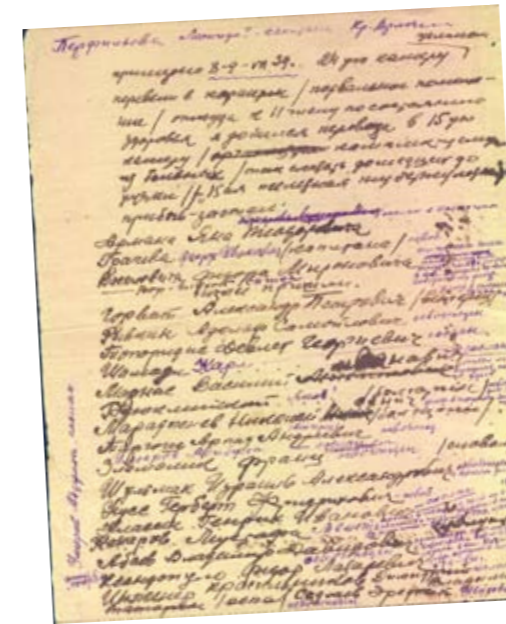
и Бреном) состоял членом-учредителем Крымского общества революционных художников «Изофронт».

С 1932 по 1933 годы А. О. Анопьян работает в Москве во «Всеком-художнике». Но в конце 1933 года возвращается в Крым. Скорее всего, возвращение было связано с обострившейся болезнью отца. В феврале 1934 года Оноприос Яковлевич Анопьян умирает от туберкулеза. Именно тогда Арменак Оноприосович начинает составлять уже упомянутый выше рукописный свод творчества отца.

После возвращения в Симферополь Арменак Оноприосович Анопьян был принят в члены товарищества «Крымхудожник». В период с 1936 по 1941 годы состоял членом правления товарищества, членом ревизионной комиссии и художественного совета. По заказу Севастопольского музея Революции в 1935 году написал картину «Расправа интервентов» (или «Расправа немецких оккупантов в 1918 – 1919 гг.»). В 1936 году собирает материал для картины «Последнее слово Шмидта». В этот период А. О. Анопьян работает над картинами «Атака партизан», «Пушкин в Гурзуфе», «Пушкин и Раевская», «На Дальневосточной сопке». Параллельно пишет картины на местные темы и портреты.

В 1937 году А. О. Анопьян участвует в художественной выставке к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции в Симферопольской картинной галерее. В 1938 году художник готовит картину «Атака Красной гвардии» для Юбилейной выставки к XX годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота в залах Симферопольской картинной галереи. В этом же году А. О. Анопьян входит в состав бригады из двенадцати художников по выполнению серии панно для Крымского павильона на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. В частности, выполнил эскиз панно «Эфиромасличные культуры. Лаванда и казанлыкская роза». Майский номер газеты «Красный Крым» сообщает: «На днях состоялся просмотр эскизов. Из представленных 12 эскизов пять пришлось полностью забраковать, остальные приняты с «оговорками». Надуман эскиз-панно «Табак» (художника Гершензона). Тут и море, и горы, и табак, но не видно ни одного живого человека. Впрочем, этим грешат и эскизы «Эфиромасличные культуры» (художник Анопьян), «Вид на море из Байдарских ворот» (художник Сикулер), «Ливадийский курорт» (художник Людовый) и др. Срок для представления эскизов был дан краткий, спешка чувствуется во всех работах» [Красный Крым, 1938, 22 мая].

Страшные 1930-е годы не пощадили и Арменака Оноприосовича Анопьяна. В 1938 году он был арестован, находился под следствием до 1940 года. Но, к счастью, был оправдан судом за полной необоснованностью обвинения.

Тюремные записки
Арменака Анопьяна об
аремтантах-сокамерниках.

После оправдательного приговора А. О. Анопьян продолжает свою работу — участвует в Художественной выставке, посвященной двадцатилетию освобождения Крыма от белогвардейцев, организованной в помещении Крымского драматического театра им. Горького, с пейзажем «Серый день» (Х. м., 50x35).

На заседании Оргкомитета Союза советских художников Крымской АССР 20 ноября 1940 года Арменак Оноприосович Анопьян был принят кандидатом в члены ССХ. В 1941 году прошел Всесоюзную перерегистрацию и был утвержден в данном статусе Оргкомитетом ССХ СССР 19 августа 1941 года.

С началом Великой Отечественной войны Арменак Оноприосович Анопьян входит в состав Симферопольской творческой агитбригады по изготовлению и выпуску художественных плакатов, панно и Окон ТАСС. Работает над эскизами к картинам. *«Художник Анопьян пишет эскиз к картине «Матросы». Загорелые, мужественные лица... Глаза сверкают решимостью и отвагой... Зажаты в руках винтовки... Матросы идут в бой. Интересен эскиз «Пулеметчики». Раненный пулеметчик один сдерживает наступление врага. Эскиз отличается динамичностью и подкупает простотой»* [Красный Крым, 1941, 14 сент.].

Наступил ноябрь 1941 года, а с ним и сложнейший 865-дневный период оккупации Симферополя. В это время Арменак Оноприосович работает в коллективе художников при Городской управе под руководством Н. С. Самокиша, рисует пейзажи и жанровые картины на бытовые темы.

После освобождения Крыма в 1944 году А. О. Анопьян участвует в варианте картины «Атака партизан» в Первой послевоенной выставке, посвященной бойцам и офицерам Советской Армии, организованной в помещении художественной мастерской по улице Пушкина, 6 (3 мая 1944 года). В течение мая-июня 1944 года художником была написана картина «Пулеметчики», предназначенная для фронтовой выставки 4-го Украинского фронта «От Волги до Севастополя» (Москва, декабрь 1944 года).

Всего Арменак Оноприосович Анопьян со своей семьей прожил в Симферополе 35 лет. Известен и адрес художника — ул. Фонтанная, 6, кв. 6.

2 июня 1944 года И. В. Сталин подписывает постановление Государственного комитета обороны № 5984, согласно которому НКВД обязыва-

лось «дополнительно к выселению по постановлению ГКО № 5859сс от 11 мая 1944 года крымских татар выселить с территории Крымской АССР 37 тыс. чел. немецких пособников из числа болгар, греков и армян».

Операция по выселению прошла 27 июня 1944 года. Людям давалось несколько часов на сборы, а далее в товарных вагонах под дулом автоматов их отправляли в неведомые края.

Облегчить участь Анопьяна-художника пытался М. С. Сарьян, который еще в 1915 году создал блестяще исполненный графический портрет поэта Оноприоса Анопьяна — отца Арменака. Но письмо на имя Наркома внутренних дел СССР Берии Л. П., в котором он просит изменить талантливому Арменаку условия пребывания в ссылке, чтобы дать возможность творить и приносить пользу Родине, осталось без ответа.

С. Р. Зубковский, племянник А. О. Анопьяна, в своих воспоминаниях о репрессиях пишет: *«... Арменак Анопьян со старушкой-матерью и тетей был выслан в Сибирь, жили они в каких-то самодельных землянках. Мать и тетя вскоре умерли. А он был талантливый художник, любимый ученик академика Самокиша. Наверное, его жизнь должна была сложиться совсем по-другому. А он кое-как сумел перебраться в город Прокопьевск и преподавал рисование в школе. Когда он как-то устроился, его жена с дочерью (моей двоюродной сестрой) уехали к нему»*.

Так, больной туберкулезом легких Арменак Оноприосович Анопьян оказался в городе Прокопьевске Кемеровской области.

В 1945 году А. О. Анопьян просит разрешение на переезд из Прокопьевска в Ереван, так как климат Кемеровской области для него был слишком суров. В этом вопросе его поддержал Союз советских художников Крыма. Для скорейшего разрешения дела были отправлены письма в Правление ССХ Армении и Оргкомитет ССХ СССР. Аналогичное письмо было отправлено начальнику отдела спецпереселения Кемеровского МВД: *«Правление ССХ Крымской области ходатайствует перед Вами о снятии спецпереселения с кандидата ССХ художника Анопьяна Арменака Оноприосовича и разрешении ему переезда в гор. Ереван. Тов. Анопьян А. О. молодой талантливый художник, состоял кандидатом в члены ССХ Крыма. В довоенные годы он неоднократно участвовал на художественных выставках. В 1944 году во время спецпереселения тов. Анопьян*

М.С. Сарьян с гостями у ростовских художников

г. Прокопьевск, Кемеровской области, 1950-е гг.

из Крыма был переселен в г. Прокопьевск. Но, так как тов. Анопьян болен туберкулезом легких, климат Кемеровской области, где он в настоящее время проживает, для него слишком суров. Также в области творческой работы у него нет там соответствующих условий. Каких-либо порочащих моментов за тов. Анопьяном не числится, потому, ССХ Крыма считает необходимым поддержать его ходатайство и содействовать его переезду в г. Ереван». Крымские художники, хорошо знавшие Арменака Оноприосовича, писали коллективное ходатайство, где перечисляли его заслуги перед крымским искусством и пытались, в некоторой мере, его оправдать. Вот выдержка из этого ходатайства: «С 1941 по 1944 год, будучи в немецкой оккупации, всемерно уклонялся от тематической работы и не выполнил ни одной тематической картины, ограничил свою деятельность пейзажами и жанровыми сюжетами бытового характера, как средством к существованию». Но, несмотря на все ходатайства, просьба художника о переселении была оставлена без внимания.

Лишь через несколько лет А. О. Анопьяну удалось покинуть город Прокопьевск. Племянник художника вспоминает: «После XX съезда отменили ссылку и депортированным в Сибирь армянам (но без права возвращения в Крым!). Тетя с дочерью вернулись к нам, а самому Анопьяну было запрещено. Я помню, как он все-таки тайно приехал к нам ночью и несколько дней прожил, прячась. Какое унижение он испытал! Он скрывался от соседей, не мог даже выйти во двор (мы жили в коммуналке и общий туалет был во дворе), сидел в глубине маленькой комнаты и вздрагивал от каждого шороха. И это в своей квартире, где он родился (ошибка, родился в Нахичевани-на-Дону — **В. Рязанов**)! Неизвестно, где бы он жил дальше, но его выручила тетка, жившая в Ростове-на-Дону. Она прописала его у себя, а сама, позднее, уехала в Ереван к родственникам. Впоследствии жена и дочь приехали к нему. Я бывал у них, вспоминается забавный случай. Дядя Арменак работал в художественном фонде. Однажды я пришел к нему на работу и обомлел на пороге. Весь зал (довольно большой) был уставлен портретами Хрущева. Их было несколько десятков, перед каждым мольбертом сидел художник и клал на свой «шедевр» последние мазки. Дядя грустно объяснил, что таковы заказы. Видимо, они снабжали портретами Генерального секретаря всю Ростовскую область. Что и говорить, простор для индивидуального творчества художника! Для этого ли он учился у академика Самокиша?».

1929 г.

Вернувшись из ссылки, А. О. Анопьян, после долгих мытарств, благодаря ходатайству своей тёти, поселился в 1956 году на родине предков в исторической части Ростова-на-Дону, именуемой прежде Нахичеванью-на-Дону. Однако, будучи человеком с сильно подорванным здоровьем, в творческой и выставочной деятельности Донского края почти не участвовал. Но, к счастью, сохранился ряд живописных произведений, созданных им в 1920-х, 30-х и 40-х годах. В этих работах запечатлены такие звучные крымские места, как Бахчисарай, Алушта. Они часто соседствуют с более прозаическими населёнными пунктами, где доводилось жить, или вернее проживать, молодому художнику, оторванному от далекой родины. Это такие пейзажи, как «Сибирский поселок Прокопьевск. Зима», «Татарская улица», «Сибирская весна. Задворки»... Большое впечатление составляют рисунки художника 1945 – 1946 годов, выполненные на грубой серой обёрточной бумаге. На них большими рублеными штрихами запечатлены дровяные сараи, полуразвалившиеся заборы, запущенные дворы конца военного времени. Сохранились жанровые зарисовки углем с уничтоженными фашистскими солдатами, повисшими на колючей проволоке, и красноармейцами, отбивающими атаки фашистов. Рисунки, посвященные войне, с особой эмоциональной остротой пронизаны авторской ненавистью к оккупантам, к их варварскому посягательству на Россию. Из других работ военного времени следует упомянуть картины, показанные на выставках в освобождённом Крыму — «Атаки партизан», «Пулеметчица» (обе 1944 года).

Арменак Анопьян никогда не забывал, кто он и откуда родом. В двадцатилетнем возрасте, юношей, он написал холст «Армянский храм». Церковь одиноко стоит в окружении могил. Безлюдье и, как бы застывшая в плитах старого архитектурного строения, на грубых каменных надгробиях, тишина ушедшего времени — это и есть лейтмотив сюжета, который, может быть, для автора имел особую значимость. Человеческие качества Анопьяна-художника ясно и убедительно раскрылись в его холсте «Сельская дорога», по которой тяжело ступает под непомерно большим грузом пожилая женщина, спешащая разжечь домашний очаг ветками кустарника, которые ей удалось собрать. Путница изображена на фоне бесконечно унылого и, наверное, давно опостылевшего ей пейзажа. Но именно в самом мотиве скудной природы заложена та щемящая эмоциональная нота, без которой образ произведения в целом не состоялся бы. Но иногда палитра художника внезапно освобождается от напряжённых сумрачных тонов и

Мартiros Сарьян в один из своих последних приездов в Ростов. Справа в дверях — Арменак Анопьян

Т.А. Сурженко, дочь А.О. Анопьяна

щедро выплёскивает на холст радужные краски восточных базаров и улиц («Шашлычник», «Бахчисарай»). Это, несомненно, свидетельствовало о широком диапазоне возможностей Арменака Оноприосовича Анопьяна как художника-колориста, творчество которого, к сожалению, мало известно нашим современникам. Но, пожалуй, особую ценность высокохудожественного произведения из дошедшего до нашего времени творческого наследия А. О. Анопьяна представляет собой написанный в 1932 году «Портрет отца». Перед нами пожилой человек, но в чеканных линиях буквально скульптурно изваянной головы проступает образ духовно цельного человека с печатью не только груза лет, напряжённого творческого труда, но и внешнего спокойствия, уверенности в насущной необходимости в том, что он делал, и делает всю свою жизнь. Взгляд выхватывает крепкие кисти рук, одна из которых сжимает книгу «Сочинения». В портрете, как и в самом этом слове «Сочинения», его звучании, есть нечто монументальное и основательное.

Ещё один гражданский долг перед памятью своего отца талантливого армянского поэта Оноприоса Анопьяна выполнил Арменак Анопьян, посвятив последние годы своей жизни систематизации его обширного архива, который передал на хранение в Ереванский музей литературы имени Егише Чаренца.

В 1957 году М. С. Сарьян искренне в своем письме поблагодарил его за то, с какой ответственностью отнесся он к последней воле отца. Эту традицию — хранить наследие предков, передавать его следующему поколению, унаследовала и его дочь — Татьяна Арменаковна Сурженко. Она бережно хранит всё, что было возможно собрать из творческого наследия отца, чем очень помогла в организации персональной выставки его произведений в Ростовском областном музее изобразительных искусств в 2011 году. 15 февраля 1976 года жизнь художника оборвалась.

Время сохранило до наших дней лишь около 40 работ А. О. Анопьяна, причем основная их часть хранится в Ростове-на-Дону в семье дочери художника Татьяны Арменаковны Сурженко. В Симферопольском художественном музее хранится его карандашный рисунок — Самокиш на смертном одре. Далеко не все знакомые Арменака Оноприосовича знали, что он обладал и поэтическим даром. Стихи его нигде не издавались и существуют лишь в виде рукописей. К большому сожалению, большинство из них не датировано. Но благодаря дочери художника и поэта Татьяне Арменаковне Сурженко, бережно хранящей наследие отца, сегодня мы имеем возможность их прочесть.

И жизнь - это только лишь какая-то даго-
лупетная станция в бесконечной вселенной,
на которой мы задерживаемся из-за мимов-
временной подачи поезда, следующего в бес-
цельном и неизвестном для нас направле-
нии.

Ср ИИ

Родился в Москве мамъ Катерина.
Тыла воева, - был папа отец.
Но если в Москву ешь Катерина,
То маминцеи и папеи.

Ср ИИ

Редкая с тобой мы и рвались
в удаче,
Не смогли сдвинуть противу ерши
массив.
А гадъ прощати нас во всем озе -
дагаб
И нашего мамея и папеи не
спросив.

Ср ИИ

XXX
Шарпановый закат. Тоска. Ледяной осенний,
Мурманск тыла, восточный век.
И влече в суровых треве и опасный -
Как будто дверь прикрел, ушло как глывек.
И поехали за мам, - шучу в тот же дорогу,
Из лабиринта тьмы не выйти мне теперь,
И будет дель, - когда и в магазинь строю,
Ушу, как ты мой друг, закрел бесшумно дверь.
20/10 - 1942г.
Синдрепина

Осенние моменты

Закат не устал, свернул за грубы дома,
И голый зловобю осклелся из-за крши, -
Уек. И вот раскат отгального гудка.
В восстаньи сумерек мгновенной блеск в Тьме.

Темнеет все быстрей, чем на запаре убери.
Светло над городом гудари тут в одну.
Посидел ливня, предрасудил потерю,
Бесшумно таясь к заставшему окну.
Вздрин взбелкился нас, предалев преградки
И угадан вскричал; - то маминце, то грей.
Мур содрогается, пона в чегде бра,
И с ним в содружестве мой ответный дам.
Тут терпеливосту тыла. Угрозилли герершину
И зайчичел, а в окна злато хлещет дождь.
Мне в душо о друзьях в такуютогу не счита,
Вестей тревожнйк ты спали сраженны ождемь.

14/1 - 1943г.

Синдрепина

Человеку лучше всего в молодости,
когда он леговерек, здоров и глуп.

Омодви и достатке много говорят
там, где их нет. Где они есть, там
много довольствуются ими.

Я завидую не тому, кто у вас слава
и богатство, а тому кто ими забав-
ляет вас.

Людей больше удовлетворяет выгид-
еть глупыми, чем быть ими в дей-
ствительности.

Соблазны мира его сильнее чем
наша парала; от них отказыва-
ются только тогда, когда они ока-
зываются ничтожными, а не преода-
тельными.

Талант, пренеде тем показать свою
силу, побеждает в ней же заломки -
нито бездарность. Храбр тот, кто смог
подавить свою трусовость и стужах. Доб-
роты - кто смог заглушить в себе злость и
зависть. Человек - кто смог пересилить
в себе животное и поставить его под
контроль разума.

Одежда в молодости украшает рекла-
мирует и подгаркивает прелесть форм
тела. В период нагала увядания помо-
гает человеку сохранять внешнее впе-
чатление существования формы, при-
сущие молодости, свежесте которых
уже утрачена. В преклонном воз-
расте одежда служит ширмой, за-
ботливо скрывающей неприглядную
дряблосте тела, обезображенного ста-
ростью. Одежда не делает нас ни
лучшими, ни худшими.

Печальное несоответствие: когда
человек крепок телом, он имеет еще
несовершенный ум. Когда ум его
становится зрелым, то тело его
уже приходит в период упадка.

Человек, определяя свой путь в жизни, вынужден издирать прогребки, терпеть, или выходя из замка, делает этой серьёзной шаг до наступления зрелого ума и жизненного опыта, когда эти, зачастую непоправимые шаги уже совершены.

Все говорят, что я пессимист. Я не пессимист, а просто человек не обладающий свойством приходить в теплоту восторга по всякому поводу.

Молодые будьте скромны. Не гордитесь красотой, силой, здоровьем и ловкостью. Всё это не ваше, и выдано вам только на прокат и не зависимо от вашего желания, будет грубо отобрано от вас, когда задумается вешенки.

Чем меньше любит себя человек, тем он лучше. Чем меньше ему нипало, тем он свободней.

Былых боев давно зажили раны.
Куда ж история направит колесо?
Хоть голубь мира жив, но в сердце голубочка
Удар смертельный, злой наводит «смит-вессон».

этот разворот отделяет тексты двух
авторов. может, не нужно переносить?

Татьяна Сурженко

«У моих детей есть повод гордиться своим дедом!»

В 2011 году в Ростовском музее изобразительных искусств состоялась выставка моего отца. Первая персональная. Посмертная.

Папа умер в 1976 году. В 68 лет. Мне, 33-летней тогда, он казался пожилым человеком. Лишь спустя время, наблюдая за людьми его возраста, поняла насколько он был ещё не стар. Все последующие после его ухода из жизни годы много думала о нём, о том как несправедлива была по отношению к нему жизнь. Как много мог бы мой папа сделать, если бы не роковые обстоятельства его жизни!.. Ведь в нём было заложено от природы столько физических, творческих и душевных сил! Он так весело и задорно входил в жизнь в первые свои годы. Но сколько же его планов так и не было реализовано, как много так и ушло в небытие, не случилось... Как невыразимо больно мне об этом думать. Но и не думать не могу...

В 1937 году папа, с группой таких же, как и он, молодых талантливых художников Крыма (он жил тогда с родителями в Симферополе), был арестован по печально известной 58-й статье. Ему было 29 лет. Это был влюблённый в мир, наполненный творческими идеями и мечтаниями молодой человек. Художник по призванию и профессии, ученик академика Н. С. Самокиша, кандидат в члены Союза художников Крыма, он активно принимал участие в художественных выставках. Благодаря своим статьям и стихам, охотно публикуемым в местных газетах, был уже принят в Союз писателей. В молодости папа увлекался античностью, культурой древних эллинов. Благодаря своему отцу (моему деду) поэту-переводчику Оноприосу Анопьяну, был знаком с поэтом Максимилианом Волошиным, под руководством которого участвовал в раскопках, проводимых им в окрестностях Коктебеля. У М. Волошина в его архиве сохранились стихи не только Оноприоса Анопьяна, но и моего отца – Арменака Анопьяна.

Вообще круг его интересов и увлечений был широк. С подростковых лет увлёкся модным в то время видом спорта – легкой атлетикой.

Приглашение на выставку

Он хорошо играл в футбол, любил гарцевать на лошади, участвовал в крымских юношеских забегах. Был даже чемпионом Крыма по боксу в легком весе! Обо всём этом я узнала совершенно случайно спустя годы и годы. Узнала, когда папы уже не было живых. Просто из вороха газетных вырезок хранившихся в доме, вдруг выпали листки, с заметками об этих его «подвигах» в те далекие годы. Таким был тогда мой папа — весёлый, влюблённый в жизнь, пробующий себя и в спорте, и в стихосложении, и в музыке молодой человек.

Но в тюремную камеру папа попал именно как художник. Вместе с ним были арестованы ещё несколько его крымских друзей-художников. Сегодня, рассказывая об этом, думаю, что мой дочерний, да и просто человеческий долг рассказать не только о бедах, выпавших на долю отца, но и его товарищей тоже. Продолжились ли они в своих потомках? Есть ли кому о них вспомнить? Не знаю. Поэтому, взявшись за воспоминания о своём отце, хочу назвать и их имена... Отчего-то мне кажется, что это будет правильно, будет справедливо, если назову и их тоже: Сикулер Иосиф Наумович, Людовый Витольд Оттович, Рыбников Михаил Сергеевич...

Через два года после ареста (в 1939 году) папа был освобожден «за неимением состава преступления». Позже узнала, что к чести своей, он не подписал обвинительного приговора и не оклеветал, даже под пытками (его били на ночных допросах, сутками не давали спать), никого из друзей по художественному цеху. Папа вернулся домой не сломленный духом. Он остался всё таким же романтиком, человеком, верящим в правду и справедливость, но... тяжело больным. У него часто шла горлом кровь. Диагноз — туберкулёз.

О том, что мой папа, подвергшись нечеловеческим испытаниям, устоял морально, я поняла опять же сравнительно недавно, обнаружив в семейном архиве пожелтевший от времени листок. Как же он меня удивил! Это был написанный знакомым папиным почерком официальный запрос в Крымское отделение НКВД, где он, отпущенный на свободу, смело и открыто интересуется у своих палачей, не сумевших выбить из него лживых признаний, куда они дели изъятые у него книги, эскизы, документы. Причём, тональность письма носила характер не прошения, а требования, уверенного в своей правоте человека. Признаюсь, когда думаю об этом письме меня обуревают и гордость за отца,

Ростов, 1950-е годы

Народному Комиссару
художника Анопияна Арменака
Оноприосовича, - Крым АССР, Симферопо-
ль - Фонтанная, 6.

Заявление

Будучи оправдан судом и выйдя из-под стражи, обращаюсь к Вам со следующим: - При обыске 12-VII-1938г. у меня отобрали ценные доку-
менты, трудписки и большое количество рукописей (в том числе таких ценных, как
как письмо Максима Горького ко мне, рассказ, правленный его рукой) и альбомы
и альбомы моих рисунков и этюдов.

Несмотря на обращения в НКВД Крыма, из этого ничего мне не
возвращено.

Наконец, работники Крымского УГБ - Андрианов Ив. Ив., Клоков и Лущик
учинили (уже в дни моего нахождения под стражей, незаконное изъятие
библиотеки моей, составлявшей до 600 томов, не считая нужным не только
составить опись изъятого или протокол изъятия, но и не оставив никакого
следа в изъятии книг). Только августа 1939 года из обвинительного
заключения я узнал о судьбе книг и прочел, что они якобы сданы в
библиотеку НКВД Крыма, где некоторую часть их и можно видеть сейчас на
.....(кусочек вырван), зарегистрированные библиотекой и обращающиеся
среди читателей, (По какому праву!?). Большая часть ценнейших изданий
(редкое роскошное издание «Демона» Лермонтова, с рисунками Эберлинга
(?); монография худож. сокровищ «Эрмитажа», библиографические издания
классиков, - Лермонтова, Пушкина), много армянских книг и журналов по
вине Андрианова Ив. Ив., по-видимому, погибла совсем или испорчена.

Прошу приказать возвратить мне дорогие для меня рукописи, альбомы с
рисунками и библиотеку литературных, художественных и классических
изданий.

Лично у меня сохранился список моих книг, составленный в 1937 году, по
просьбе Гос. Музея Армении о передаче архива моего покойного отца -
армянского поэта - в распоряжение музея, - при надобности в этом, я могу
его предоставить надлежащим органам.

Копию протокола обыска от 12-VII-38г. прилагаю.

16-июня 1940г.
Симферополь.

Арменак Анопиян

Заявление Народному Комиссару
(далее кусок вырван, где были указаны инициалы)
Художника Анопияна Арменака Оноприосовича,
Крым АССР, Симферополь, Фонтанная, 6
Заявление

Будучи оправдан судом и выйдя из-под стражи, обращаюсь к Вам со
следующим: - При обыске 12-VII-1938 года, - у меня отобрали военный билет,
трудсписок и большое количество рукописей (в том числе таких ценных, как
письмо Максима Горького ко мне; рассказ, правленный его рукой) и альбомы
моих рисунков и этюдов.

Несмотря на обращения в НКВД Крыма, из этого ничего мне не
возвращено.

Наконец, работники Крымского УГБ - Андрианов Ив. Ив., Клоков и Лущик
учинили (уже в дни моего нахождения под стражей, незаконное изъятие
библиотеки моей, составлявшей до 600 томов, не считая нужным не только
составить опись изъятого или протокол изъятия, но и не оставив никакого
следа в изъятии книг). Только августа 1939 года из обвинительного
заключения я узнал о судьбе книг и прочел, что они якобы сданы в
библиотеку НКВД Крыма, где некоторую часть их и можно видеть сейчас на
.....(кусочек вырван), зарегистрированные библиотекой и обращающиеся
среди читателей, (По какому праву!?). Большая часть ценнейших изданий
(редкое роскошное издание «Демона» Лермонтова, с рисунками Эберлинга
(?); монография худож. сокровищ «Эрмитажа», библиографические издания
классиков, - Лермонтова, Пушкина), много армянских книг и журналов по
вине Андрианова Ив. Ив., по-видимому, погибла совсем или испорчена.

Прошу приказать возвратить мне дорогие для меня рукописи, альбомы с
рисунками и библиотеку литературных, художественных и классических
изданий.

Лично у меня сохранился список моих книг, составленный в 1937 году, по
просьбе Гос. Музея Армении о передаче архива моего покойного отца -
армянского поэта - в распоряжение музея, - при надобности в этом, я могу
его предоставить надлежащим органам.

Копию протокола обыска от 12-VII-38 года прилагаю.

16 июня 1940 г.
Симферополь. Арменак Анопиян.

и бесконечная горечь за него. Анопьяна, как личность, сломать даже НКВД не удалось. А вот судьбу человека, пришедшего в этот мир с желанием творить, жить, любить, сломали. Впрочем, не ему одному. Но разве это утешает?! Лишь добавляет печали.

Смелости для написания такого письма-требования в этот злоеший орган — НКВД, ему придавало то, что они были собраны его отцом, которого он боготворил и который завещал сыновьям передать собранную им библиотеку в Музей литературы Армении. Книги в семье папы всегда были единственной ценностью. В те годы армяне, жившие в разных странах мира, пытались, каждый в меру своих сил и возможностей, помочь укрепить морально и материально молодой республике Армении, залечивающей свои раны после геноцида 1915 года. Сострадание к соотечественникам вызвало не только волну ненависти к мучителям армянского народа — Османской Турции, но и жалости и любви к своей исторической родине, желание хоть чем-то помочь ей восстановить утраченное в годы геноцида культурное наследие.

Жаль, что завещание деда так и не смог выполнить мой отец. Не смогла и я... И как же мне больно вспоминать о том, что вместе с уникальной дедушкиной библиотекой, были изъяты при обыске, исчезли навсегда и папины картины, этюды, эскизы, документы...

Наша семья хранит лишь малую толику того, что было написано моим отцом. Несколько картин Арменака Анопьяна находятся в музее Севастопольской художественной галереи, в частных коллекциях. Список небольшой. Около 40 работ. И это всё, что осталось от художника Анопьяна... Благодаря усилиям и поддержке моей дочери и её мужа персональная выставка его состоялась в 2011 году.

В 1944 году папу ждало новое испытание. Из Крыма по приказу Сталина были выселены в одну ночь из полуострова греки, болгары, немцы, крымчаки, армяне. Мой больной туберкулёзом папа вместе со своей старенькой мамой, моей бабушкой, Гадаринэ Бедросовной (урождённая Вартанова) и тётёй — Гаянэ (Каролиной) Бедросовной оказался в их числе. Они, оставив свои дома, всё нажитое, были увезены в Кемеровскую область, до которой, кстати, не все доехали. Людей везли в товарняках, точно скот, унижали. Их называли врагами народа. Каково это было слышать моей бабушке, которая каждый день оплакивала своего младшего сына, сгоревшего заживо в 1941 году в танке в боях под Гомелем.

Мама А. Анопьяна Гадаринэ (Екатерина) с сестрой Гаянэ (Каролина). Начало XX века.

Мой бедный дядя Яша... Он, как и мой папа, был творчески одарённым человеком. Скромный школьный преподаватель химии, он был настолько увлечён музыкой, что по клавирам с его аранжировкой музыкальных произведений исполняли артисты Симферопольского драматического театра.

Все думаю: где истоки тех творческих талантов, которыми обладали мой отец и его брат? Конечно, многое они унаследовали от родителей.

Мой дед, Оноприос Анопьян, когда-то был признан одним из самых талантливых армянских поэтов и переводчиков начала XX века. Был отмечен Валерием Брюсовым в «Антологии армянской поэзии» (1916 г., стр. 509). Бабушка вспоминала, что в голодные двадцатые годы, дед, будучи известным крымским поэтом, наряду с писателями Шмелёвым, Тренёвым, Волошиным и художниками Самокишем, Богаевским, композитором Спендиаровым получал от советской власти академический паёк.

Моя бабушка... У неё был абсолютный слух. Выпускница гимназии, она знала и могла пропеть десятки популярных оперных арий. В семье у нас бытует рассказ о том, как в ссылке, живя в землянке, она как-то сидела и плела иголкой знаменитое армянское кружево, в котором была мастерица. Ей хотелось хоть как-то украсить наш быт. Чтобы не сбиться, сосредоточенно считала по-армянски петли: «Мек, ерку, ирек, черс... (один, два, три, четыре...)». В это время по репродуктору передавали концерт оперной музыки. Певица исполняла арию Лючии ди Ламермур из оперы Гаэтано Доницетти «Лакме». Отложив на мгновение рукоделие, бабушка воскликнула: «Вах-вах, какую си-бемоль взяла!» и... снова склонилась над своим рукоделием.

Истории подобные этой, то смеясь, то печалась, можно рассказывать бесконечно. Вспоминать... Но время от времени задаюсь вопросом: «А кому это нужно? Мне, моим детям, внукам, ну... и всё». Потом всё же думаю: «Но ведь это не только судьба моей семьи. Это тот самый скол трагической эпохи, что пришёлся на долю всего нашего российского (советского) народа, испытавшего всю, ничем не оправдываемую, жестокость режима, пришедшего к власти в 1917 году, прошедшего кровавым колесом по жизням миллионов людей. Ведь каждый из тех невинно пострадавших в годы сталинских репрессий был рожден для жизни, для того, чтобы работать, создавать семьи, растить

Алушта, 1937 г.

Крым, 1930-е годы.

детей. Среди них было много одаренных людей, способных обогатить нашу страну своими знаниями, талантами, умениями, сделать её краше, лучше, мудрее».

Возвращаясь к папиной посмертной выставке, признаюсь, тогда меня зацепила фраза из буклета, составленного известным на Дону и глубоко уважаемым мною искусствоведом Валерием Васильевичем Рязановым. Он писал: «*В Нахичевань-на-Дону (родина отца А. О. Анопьяна — автор) Арменак Анопьян вернулся лишь в 1956 году и, будучи человеком с сильно подорванным здоровьем, в творческой и выставочной деятельности донского края почти не участвовал*».

С одной стороны, это правда. Но я знаю и другую правду. Все последние годы жизни папа собирал, систематизировал, описывал архив своего отца.

Возвратившись из ссылки, он был физически уже немощен. Он был настолько обескуражен всеми несправедливостями, что пришлось испытать ему, так подавлен потерями (ушли из жизни самые дорогие и близкие люди — отец, мать, брат, тётя, друзья юности), что у него не осталось душевных сил, чтобы вернуться к активному творчеству. Папа почти не брался за кисть. Лишь однажды моя мама, Вера Владимировна Беспалова-Анопьян, уговорила мужа нарисовать портрет композитора Сергея Рахманинова. В тот год блестяще окончил Музыкальное училище имени Гнессиных по классу фортепиано её племянник (сын сестры) — Сергей Зубковский (ныне почётный гражданин города Владимира, профессор). Портрет Рахманинова был подарен ему моими родителями к окончанию училища. Эту работу двоюродный брат бережно хранит у себя дома. Работы моего отца («На берегу», «Баркас на камнях» и этюд к «Шашлычнику») хранит у себя и дочь его крымского друга юности Михаила Танатара — Софья, живущая ныне в Москве.

Мы с нею ровесницы. Родились обе в 1943 году. Наша дружба, заложенная отцами, прошла через всю нашу жизнь. Софа, так же как и я, пытается собрать обрывки воспоминаний, документов о своём отце. Эта ответственность перед памятью предков не даёт и ей покоя.

Кстати, когда отца сослали, его крымские друзья организовали поручительские письма на имя Наркома Внутренних Дел Лаврентия Берия. Эту просьбу освободить художника Анопьяна подписали: Председатель оргкомитета ССХ Крыма Бирзгал Я. П., Савченко Е. П., Сикулер

И. Н., Рыбников М. С., Людовый В. О., Степанов М. М. (зав. научным отделением Никитского ботанического сада).

Написал письмо, ходатайствуя об освобождении моего отца, и великий Мартирос Сарьян. Он писал: «*В Сибири живет талантливый художник Арменак Анопьян. И если нет возможности изменить ему условия, то Армения готова предоставить ему возможность творить и приносить пользу Родине*». (Информационный центр УВД России. Дело № 25581). Подписал ответственный секретарь ССХ Армянской ССР Степан Тарьян, проживание предоставлял известный в Армении артист Г. Х. Данзас.

Вернувшись из ссылки, признанный реабилитированным отец, тем не менее, был ограничен в правах. Ему запрещалось жить в Крыму и крупных городах России. Хотя мама, будучи русской по национальности и последовавшая добровольно за мужем-армянином в ссылку, смогла вернуться в Крым. Отец же, не имея прописки, не мог устроиться нигде на работу, чтобы помогать семье. На помощь пришли родственники со стороны деда Оноприоса. Его родная сестра, жительница нахичеванской части Ростова Розалия Яковлевна Козодова, прознав о бедах племянника, предложила ему прописаться у неё в доме. Любящая тётя делала всё от неё зависящее, чтобы привести в равновесие душевное состояние племянника, укрепить его физически. В этом ей помогала и жившая в Ереване дочь — народная артистка Армении Изабелла Григорьевна Данзас-Козодова. От родственниц, кроме материальной и моральной помощи, папа получил и помощь в деле сохранения архива и творческого наследия своего отца Оноприоса Анопьяна. С помощью своей двоюродной сестры, моей дорогой тётки Беллы, папа отправил часть архива в Ереван в Литературный музей имени Чаренца. Но это не всё. Настоящим подвигом (иначе и не назовёшь!) следует назвать записи, в которых мой отец попытался подробно, буквально по дням восстановить жизнь своего отца. У меня на руках сегодня этот удивительный памятник сыновней преданности, который может ещё найдет своего исследователя, а, возможно, и издателя. Ведь в этом труде не только история жизни конкретного человека, его семьи, круга общения, но и истории Нахичевани, Крыма и Армении начала прошлого века, куда дед юношей ездил, чтобы поступить в духовную семинарию Эчмиадзина. Ещё одним бесценным даром, завещанным мне моими предками,

является старинный блокнот, в котором, адресовав Оноприосу Анопьяну, оставили поэтические автографы приятельствовавшие с ним актер Папазян, композитор Спендиаров, художник Сарьян, писатели Тренёв и Серафимович, многие другие известные люди, составлявшие круг его друзей и знакомых.

Систематизацией и сохранением архива своего отца — вот чем был занят мой отец на протяжении многих лет! Он полагал, что память об Оноприосе Анопьяне должна быть сохранена для будущих поколений. Он не сомневался, что творчество его отца — это не только повод для личной его гордости, но достояние армянской (а может не только армянской) литературы. Дед занимался переводами на армянский язык русских поэтов, переводил стихи армянских поэтов на русский. И не только на русский. В различных периодических изданиях переводы деда встречаются на семнадцати языках. Оноприос Анопьян перевел на армянский почти всего М. Ю. Лермонтова, несколько стихотворений А. С. Пушкина... Особую для меня радость составляет то, что в Хрестоматии по литературе, по которой учатся дети в армянских школах помещены и стихи моего деда!

Об этом, как и о многом другом из жизней моих деда и отца, я узнала случайно. Как-то в Ростов из Еревана в гости к донскому литературоведу Аркадию Айрумяну приехал директор Музея Мартироса Сарьяна Шаэн Хачатрян. На правах друга Аркадия Александровича я тоже пришла на встречу с Шаэном Геворковичем. Меня представили как внучку поэта-переводчика Анопьяна. Аркадий Александрович тогда заметил гостю: «Ну, ты его, наверное, не знаешь. Был такой у нас поэт...» И вдруг, ко всеобщему изумлению, Шаэн Хачатрян стал читать по памяти на армянском языке стихи Оноприоса Анопьяна. Оказалось, что в годы геноцида его семья спаслась, бежав в Сирию. Там, в Алеппо, он окончил армянскую школу и на конкурсе чтецов занял первое место, читая дедову «Вьюгу».

Таким историям из жизни моей семьи нет, что называется, числа. При этом, признаюсь, нисколько не лукавя, мне всегда казалось, что наша семья очень и очень обычная. Мы жили предельно скромно. С детских лет я постоянно ощущала эту раненность моего отца, с которой он жил после ареста в 1937 – 1938 годы и ссылки с 1944 по 1956 годы, что не могло не отразиться на моём мировосприятии.

Татьяна Арменковна
с сыном Александром

Воспоминания рвутся из моей памяти, не дают покоя ни днём, ни ночью... Но разве обо всём расскажешь?! Впрочем, еще одну историю из жизни моей семьи я все же должна рассказать. Моя бабушка по маме, Евгения Гавриловна Беспалова, урождённая Добржанская, дворянка немецкого происхождения, среди родных которой была даже последняя акушерка русского императорского двора, все годы после ареста моего отца (её зятя), хранила у себя в доме сундук с его книгами и работами. Продав за буханку хлеба свой рояль «Бехштейн», чтобы было чем кормить меня и моего двоюродного брата Сергея, сына другой её дочери – Любы, когда и ту выслали по 58-й статье в Сибирь, она, тем не менее, ни разу не открыла крышку того сундука, сохранила всё, что представлялось отцу особенно ценным.

Вот так — передавая книги, рукописи, картины, фотографии из поколения в поколение — и дошёл до меня архив отца.

И последнее. Среди всего прочего обнаружила как-то папку, на которой выведено уже нетвёрдой рукой папы — «Прочитать Тане и Саше». То есть мне — его дочери, и внуку — моему сыну. (Тогда ещё не было на свете моей дочери Анечки). Прошли годы... Мои дети уже сами родители. Как же мне хочется надеяться, что они сумеют оценить таланты своих дедов, донести до своих уже потомков то, что их предки сумели сберечь вопреки всем тяготам, выпавшим на их долю.

У моих детей есть повод гордиться своим дедом, думать о нём с благодарной памятью.

Пусть они с этим и живут!

Т.А. Сурженко с мужем
Александром Дмитриевичем
и внуками Алексеем и
Любовью Сухаревыми

Анна Александровна
Сухарева, внучка
А.О. Анопьяна

Подпись под фото

Из дневника Арменака Анопьяна

26 июня 1944 года в 10 часов вечера было объявлено, что мы — армяне, греки и болгары — приказом правительства переселяемся в другие области СССР. Сборы недолгие. Ночью на автомашинах нас увезли на станцию Кара-Кият минуя Симферопольский вокзал. 27-го, в семь утра, товарный эшелон, вмещающий около 2 500 человек первым вышел в неизвестном для нас направлении, покидая пределы Крыма, минуя Украину, Поволжье, Урал, Западную Сибирь.

10 июля 1944 года около полудня прибыли в город Прокопьевск Кемеровской области, откуда в этот же день нас начали развозить в районы по совхозам. Я со своими старушками, мамой и тетей, к вечеру этого же дня очутился в Зиминском молочно-овощном совхозе, в восьми километрах от города под ведением спецкоменданта.

8 октября 1944 года перешли на жительство в землянку. За время пребывания на ферме частично работал на поле, частично писал лозунги.

1 июля 1945 года получил разрешение поступить на работу в Прокопьевский областной театр музыкальной комедии в качестве художника-исполнителя... Получаю литерный паек — мы ожили.

27 июля 1945 года мама и тетя, в числе других стариков, внезапно были переброшены на ферму, где приютились в чулане.

31 июля перевез маму и тетю на подводе в Прокопьевск, где они были помещены в одну из закулисных комнат пустующего театра.

7 мая 1946 года еду в Сталинск, где меня в этот же день принимают на работу в художественные мастерские. Пишу портреты и копии с картин в Прокопьевске и отвожу в Сталинск. В связи с намерениями художников объединиться в товарищество «Художник», увольняюсь. Удастся создать группу типа артели.

3 августа 1947 года скончалась тетя моя Гаянэ от старческих болезней, резко усугубленных отсутствием питания.

29 июня 1948 года Вера и Танечка (жена и дочь — ред.) приехали ко мне из Симферополя в 11 часов 38 минут по сибирскому времени.

8 августа 1948 года Вера и Танюша уехали обратно в 8 часов 30 минут.

11 декабря 1948 года в комендатуре подписал Постановление Президиума Верховного совета от 26 ноября 1948 года, в силу которого мы

Прокопьевск, 6 августа 1948 г.

— все спецпереселенцы из Крыма — сосланы «навечно» в Кемеровскую область — в Сибирь. За побег — 20 лет каторжных работ. За пособничество к побегу — 5 лет. Мотивировка неизвестна.

22 февраля 1949 года внезапно скончалась Екатерина Эммануиловна Терзаева, глухонемая, в возрасте 69 лет. Наша соседка по Симферополю. В одном дворе жили 34 года. Я вырос у нее на глазах.

24 июля 1949 года Вера и Танюша приехали к нам в Прокопьевск на жительство. Вера поступила преподавателем русского языка и литературы в Прокопьевский горный техникум.

25 октября 1949 года переехали на квартиру предоставленной Вере Горным техникумом. Дом вновь выстроенный, брусчатый, холодный. При переезде все соседи-сибиряки, в окружении которых мы прожили три с половиной года, с охотой помогли нам погрузить вещи на машину и выражали сожаление по поводу расставания.

...После увольнения Веры с Горного техникума начался тяжелый период. Мое положение с работой — неопределенное. С квартиры гонят.

13 апреля 1950 года в Самарканде скончался Семеон Аракелович Бабиян — поэт, старый друг моего отца. (Родился в 1878 году в Симферополе).

6 августа 1950 года я принят на работу в Кемеровское товарищество художников.

11 июня 1950 года в Прокопьевске скончался родственник моей матери, опытный врач-педиатр Артем Яковлевич Бенклиан. (Родился в 1883 году в Симферополе. Окончил медицинский факультет Одесского университета в 1909 году).

10 июня 1951 года, в воскресенье, Вера с Танюшей выехали на поезде в Симферополь через Москву. После отъезда маме стало плохо — бунтовало сердце. Она уже не может ходить, ощущая сильную дрожь в коленях.

4 июля 1951 года в Прокопьевске от рака умерла Рипсимэ Лусегеновна Бабиян, урожденная Пахальян, жена покойного друга моего отца Вартаана Аракеловича Бабияна. (В 1906 году она у себя на квартире познакомила моего отца с моей матерью. Женщина хорошая, культурная. Родилась в Армянске в 1885 году).

21 июня 1951 года Вера и Танюша, проезжая через Харьков, были любезно встречены на вокзале Натальей Георгиевной Самокиш, женой

моего учителя. С часу ночи до четырех утра она ожидала прибытия поезда и просила Веру с Танюшей на обратном пути погостить у нее. Прибыв в Симферополь, Вера с Танюшей побывали на армянском кладбище. Посетили могилы моего отца, бабушки, бабушек и другие. Могилы в сохранности. Танюша не забыла моей просьбы и привезла горсть земли с отцовской могилы.

...

15 октября 1956 года, не имея никаких утешительных надежд на прописку, все же выехал в Симферополь, так как деваться некуда.

16 октября 1956 года, прибыв в Симферополь, один вошел в родной двор, где прожил 34 года, к счастью никем не замеченный из соседей, и это дало мне возможность тайно, в состоянии вора, которого ищут (состояние преотвратительное), побыть здесь.

2 ноября 1956 года, расставшись с Верой и Танюшей, после прощаний, устроенных мне друзьями, приехал в Мелитополь, надеясь прописаться и избавиться от чувства человека, не имеющего пристанища и, вместе с тем, от знаменитых «24-х часов», которые представители власти, ничего не желая признавать, дают таким людям как мы. И вот в Мелитополе снова сюрприз — начальник милиции на моем заявлении с просьбой о прописке начертал — «Отказать», якобы из-за перегруженности города. Положение отчаянное. Во время бессонной ночи, напрягая мозги, вспомнил тетю Вартуи Акоповну Казодьянц (родная сестра моего отца), проживающую в Ростове-на-Дону, где родился и мой отец, и я. Вызвал тетю на переговорную. Тетя отзывчиво и чутко отнеслась к моему горю — горю человека, которого отовсюду гонят. Сказала: «Приезжай». Только тогда я воспрянул духом.

8 ноября 1956 года приехал в Ростов-на-Дону к тете Розе.

12 ноября 1956 года был прописан, благодаря невероятным усилиям, приложенным тетей Розой, «на постоянно». Ура!

*Из писем дяди Арменака Анопьяна
(родного брата О. Я. Анопьяна) Григория Яковлевича Анопьяна*

Брюссель. 13.12.1934

Дорогой Арменак!

Хотя твое письмо получил я уже давно, но до сих пор не ответил, потому что хотелось мне написать тебе что-нибудь определенное.

...Содержание твоего письма было очень интересно. Вообще по своему внутреннему содержанию и по чувствам ты меня радуешь. Твое благоговейное отношение к памяти отца, к предшествующим поколениям нашего рода ты унаследовал от отца, который также интересовался нашими предками.

Относительно себя скажу, что я тоже интересуюсь и почитаю память покинувших нас. Тот факт, что они давно ушли от нас не умаляет моего чувства к ним, но и не увеличивает интенсивность его. Есть у меня в душе глубокое сожаление, ...но желал бы я не чувствовать этой боли. Нужно вообще жить настоящим и, по возможности, полно, интересно, глубоко. Тогда прошлое уйдет на задний план, не будет маскировать настоящее, следовало бы уже жить полной жизнью, сосредоточенностью к настоящим моментам. Все что мы делаем — делать со всей любовью на которую мы способны. Я говорю «все», то есть и чистить картошку, и творить художественный образ. И то, и другое, есть проявление «жизни».

...Итак, не следовало бы предаваться печалю по усопшим. Не следует быть черствым, но и не надо быть сентиментальным. Нужно найти равновесие между холодным разумом и чувством. Для меня это легче, чем для вас, ибо для меня смерти нет. Смерть для меня — абсурд. Она является продолжением к новой Жизни. ... Мысль — это энергия, электричество своего рода, вибрации, которые не теряются бесследно, а действуют. ...

Тебя интересуют вопросы нашей родословной. У нас в роду аристократов не было. Наши предки были ремесленниками. Вообще у нас, у армян, аристократии нет — ее вырезали дикие орды, которые проходили через Армению. Но у нас была аристократия не по крови, а по духу. Вероятно, тебе известен Валерий Брюсов. Поэт и известный ученый дает армянам «патент на благородство». Дал он нам его после того, как изучил армянский язык историю и литературу, безнадежно влюбился в... армянскую средневековую поэзию. Полагаю, что в отцовской библиотеке должна быть объемистая

Григорий Яковлевич
Анопьян с женой, 1911 г.

книга в тысячу страниц, озаглавленная «Поэзия Армении» под редакцией Валерия Брюсова. Мы, армяне, должны низко поклониться могиле Валерия Брюсова за тот чудный дар, который он преподнес нашему народу, ознакомив мыслящую Россию с плеядой высокоодаренных армянских поэтов.

Пишу тебе об этом так, к слову. А моего деда и твоего прадеда звали тоже Оноприосом. Вероятно, и он был «бешекчи», то есть люлечный мастер, так как в те времена знания ремесел переходили от отца к сыну. К этим моим сведениям, я, кажется, ничего не могу добавить. Если это тебя очень интересует, и тебе когда-нибудь придется побывать в Нахичевани, то ты можешь разузнать, где хранится теперь архив Нахичеванского мещанского старосты. В этом архиве имеются так называемые «Ревизские сказки». В этих «сказках» имеется и наша родословная. ...

Ну вот, вижу, что я разболтался. Пора остановиться. Рад я тому, что ты как-то сводишь концы с концами. Мне бы очень хотелось, чтобы твоя заветная мечта об Академии исполнилась. Но я думаю о том, что вы все разбредетесь. Ты переедешь в Москву или Ленинград, а Екатерина Петровна останется с Яшей в Крыму. Хотелось бы, чтобы вы все были вместе.

Будь здоров, мой дорогой мальчик. Привет всем. Григорий.

Брюссель. 26. 11. 1935

Дорогой Арменак! С чувством глубокого удовольствия берусь за письмо, чтобы, наконец-то ответить тебе, а то до сих пор я отделялся одними только открытками. Пока я не освобожу своей головы от дневных забот, не в состоянии, что называется, толком побеседовать. ... Твое длинное письмо получил. ...Откровенно говоря, мне совсем не нравится, что ты участвуешь в разных состязаниях атлетики. Занимайся физкультурой сколько хочешь, но для себя, а не для публичных состязаний. Знаю, что ты был признан крымским чемпионом по легкой атлетике или кем-то в этом роде. Об этом мне говорил Жерайр Шагинян. Кстати, где он теперь? ... Следите все за собой и будьте благоразумны и здоровы. Я здоров. Всего доброго, дорогие. Ваш Гриша.

Оммен. 30. 07.1936

Дорогой Арменак! Как давно не писал я тебе. В начале прошлого месяца послал тебе открытку, намереваясь вслед написать тебе письмо. Не собрался. И на открытку ответа не последовало. По правде сказать, я и сам не рассчитывал на ответ. Впечатление у меня такое, что ты махнул

не поняла куда поставить?

на меня рукой: не интересуется, мол, ну и Бог с ним. А, между тем, так часто уношусь я мысленно домой. Думаю, что вы там делаете, как живете. А, главное, удалось ли тебе осуществить твою мечту о поездке в столицу, чтобы серьезно взяться за изучение любимого ремесла.

Здесь на Западе все резче и резче раздаются голоса против современных методов образования. Авторитетные лица указывают на то, что в школах подавляется индивидуальность, оригинальность, что, например, в искусстве учащиеся копируют своих учителей, вместо того, чтобы давать простор своему личному творчеству. Перенимать чужую манеру искусства — опасный путь, который неминуемо погубит дарование, и вместо оригинального творца получится посредственность. Вот о чем много говорят здесь. И об этом я уже писал тебе, кажется, не раз. Но не знаю, понял ли ты меня, вник ли хорошо в то, что я тебе писал? Старайся не попасть под чужое влияние и давай по мере сил свое личное. Вот что ценно и интересно. Будешь ли в вашей школе, или не будешь, помни хорошо то, о чем я тебе говорю. ...Я здоров. Пишите о себе. Дядя Гриша.

**Из писем Арменака Анопьяна другу детства
Михаилу Абрамовичу Танатару**

Симферополь, 17. 10. 1936 г.

Дорогой Моня! Придя из города, я решил написать тебе маленькое письмецо. Уже около 12 часов. Сидел на проклятом собрании. Ах, как они мне надоели!

Звонил мне из Москвы Коля (двоюродный брат Николай Козодов, художник — *ред.*) и спрашивал, смогу ли я приехать в Москву на халтуру октябрьскую. Я ответил, что нет. Незачем мне сейчас ехать в холодную Москву. Тем более, что работ сейчас и в Симферополе уйма. Это в связи с сельскохозяйственной выставкой... халтуру сейчас и параллельно сделал четыре этюда. Дальше работать не позволяет погода. Солнца нет. Иду спать. И ты сейчас, наверное, дрыхнешь. Привет Кизевальтерам. Ирочке особенный. Арменак.

Ростов-на-Дону, 1966 г.

Дорогой Мончик! Спасибо тебе за поздравления и теплые пожелания. У нас так: молодые растут, старые — стареют. И нет ничего такого,

что могло бы вызвать интерес... В моем сознании и памяти в рост поднимается наша общая юность. Пединститутская молодежь... Как все было скромно, благородно, красиво. Потом какой-то ураган разнес всех нас в разные стороны: кого — куда. Может быть, в Крыму прожили б жизнь вместе в братских взаимоотношениях. Все было обжито и тепло. Черт возьми, а?!

Арм. Анопьян.

Ростов-на-Дону, 1966 г.

Дорогой Мончик! У нас есть новости: 29-го утром Таня родила девочку. (А у тебя, наверно, слюнки текут). Хороший парень, мой зять Александр — простой душевный человек. Другого пока сказать не могу. В ближайшие дни в Симферополе Яшина (Яков Анопьян, брат Арменака Анопьяна погиб в Великую Отечественную войну — *ред.*) дочь Эльвира должна родить. Ей уже 33 года. ...Я пока здоров. Но уже на одной ножке не станцуешь. Что делать — уже 66-й. Особый привет твоей чудесной Сонечке. Как она на тебя похожа?! Вылитый ты. Умница какая! Не обижайся, что скуп на письма. Но всегда помню как и друга, и брата. Всегда твой, Арм. Анопьян.

С. Кароглуев. Ростов, 1962

С двоюродным братом художником-графиком Н. Козодовым

Григорий Анопьян (в центре), Швейцария

Вчера еще я был мальчишкой

Чёрт возьми, годы быстро прошли, вчера еще был я мальчишкой.
 Вчера был мальчишкой – сегодня виски в седине.
 И жизнь, поравнявшись со мной, хвастнуть соизволила книжкой.
 Где многие строчки отнюдь не понравились мне.
 Прочёл в них сухой пересказ в веках зашифрованной были,
 Но утешительных фраз не смог отыскать ни одной:
 Отца хоронил. Любимого брата убили
 В каком-то разбое, который назвали войной.

Помню, отец говорил, страдать начиная отдышкой,
 Слова старика непонятны тогда были мне:
 «Чёрт возьми, годы быстро прошли, вчера еще был я мальчишкой.
 Вчера был мальчишкой, сегодня уж весь в седине».
 Отца схоронил я давно, зарыли уже где-то брата.
 Родня на кладбище, а боль с каждым днем горячей.
 И роем свинцовых теней на сердце мне давит утрата.
 Иль это приснилось в одну из тяжелых, кошмарных ночей?

Чёрт возьми, годы быстро прошли, вчера еще был я мальчишкой.
 Вчера был мальчишкой, сегодня виски в седине.
 И детство, как жемчуга блеск, во тьме озаряющей вспышкой
 Сулило надежды и снилось однажды лишь мне.
 Время старит планету (и стойким наносятся раны)
 Мою престарелую мать со мной обвиняя во всём,
 Мы нежный лазоревый юг отдали легко за бураны,
 За холод Сибири и крест, что без слёз мы несем.

Быть может мой час недалёк, накроют дощатою крышкой.
 Тогда уж, наверно, надеюсь всё будет дозволено мне...
 Чёрт возьми, годы быстро прошли, вчера еще был я мальчишкой.
 Вчера был мальчишкой – сегодня виски в седине.

Судьбе

Двадцатый век. Мы всех опередили.
 На трассе жизни много топких мест.
 Вперёд глядим без слёз и без идиллий
 Ведь над утраченным давно поставлен крест.

В душе испытанной не селится тревога,
 Когда во тьме блеснул источник зла.
 Нас жизнь, как рекрута, сбивающего ногу,
 В равнину снежную Сибири занесла.

Мне счастье незачем. Пощады не прошу я.
 Я за собратьев у тебя просил,
 Кого ты гонишь вдаль, неистово бушуя,
 И не щадя надломленных их сил.

*27. 02. 1952 г.
 Кемеровская область,
 г. Прокопьевск*

Твой образ мил, заманчив и приятен,
 Красив и чист, где зародился он?
 На карте чувств немало белых пятен,
 Которые не смог предугадать Платон.
 Ах, что гадать? Не за горами лето.
 Ты, как комета, заметишь свой след.
 Но яркой полосой предутреннего света,
 Я буду восхищён, утешен и согрет.

Далёких времен кинофильм вращает отчетливо кадры.
Канву знаменательных дат сменяют в тиши вечера.
Запоем разврата насыщена ночь Клеопатры,
Беспутный Антоний покончил с собою вчера.

Египет как мумия желт, в пленительной сказке Востока,
Обложен громадой веков, давно исчерпавших лимит.
И тут фараоны и знать, рабов понукая жестоко,
К смущенному солнцу возводят абсурд пирамид.

Эллада ярка, как триумф с успехом разыгранной пьесы,
Праматерь наук и искусств, в руинах копит времена.
Тут насмерть гоплиты стоят, жестоко наказаны персы.
Расправ и событий поток преступно меняет тона.

В Афинах Перикл хитрит, рабы и метеки в обиде.
Философы с пеной у рта, превратно трактуют закон.
И гений свой в мрамор вложив, в изгнании теряется Фидий.
Концовкой к поэме эпох на взгорье предстал Парфенон.

Событий кочующий вал... судеб беспощадна гиена.
Народы в азартной игре борьбы напрягают накал.
Эмблемой кружения сил дымятся следы Карфагена,
Нестойким величием побед, тут тенью прошел Ганнибал.

И деспотом выглядит Рим. Восстаньям конца нет и круто,
С ним насмерть схватился Спартак, сурово отчаян и горд.
И ночь тирании на миг озаряется лезвием Брута,
И следом мрачнеет над трупами, сдавших кагорт.

Рим грозен, заносчив, жесток, себе не представит он цену.
Разбитые царства лежат, пресмыкаясь у ног,
Но варвар из мрака веков, историей вызван на сцену, —
Нулем опоясал его пресловутый итог.

Свежа у планеты гряда вчерашних ее впечатлений,
Что летопись, через века, как ветошь доносит до нас,
Охватом культур и эпох, тернистым путем поколений,
Печальной кантатой, несвязной вибрацией фраз.

Где с треском, один за другим, летят с пьедесталов колоссы.
И вспышки идей и надежд в ничто превращаются вмиг.
До спазм напрягая мозги, никто не решает вопросы,
Никто не спасет от убийств, от обид и интриг.

Проявлен во всем интерес, но все до предела знакомо:
На ощупь, как будто во тьме, лишенный любви и опеки,
Неясным движеньем путей, невзрачным скользя насекомым,
На темени жухлом земли куда-то бредет человек.
Все из небытия в небытие. Все также свирепствует Лета —
Несметных желаний экспресс внезапно слетит под откос.
Нас трезвость смерть осенит, свидетелем будет планета,
Вконец обезличив и пеплом вгоняя в хаос.

Обиды друг другу простим, любовь до небес возвеличим.
И яд превосходства отбросим в помойную грязь,
А то уже атом привстал, грозя беспощадным обличем,
С моралью поспешно теряя последнюю связь.

Поднимем же чаши, мой брат, быть может, осталось уж мало?
Здесь жизнь, как сомнительный дар, как вечность вручает лишь раз.
Чтоб золото Креза и блеск потухших побед Ганнибала,
Ни слава Шекспира не встали б барьером меж нас.

За мерзлым узором окна туманно рисуются дали.
Как видно Художник избрал, совсем не подумав, мотив.
За окнами мир, который не раз уж ввергали,
В горнило страданий, со взором его перспектив.

За мёрзлым узором окна туманно рисуются дали,
 Но то ли Художник избрал, совсем не додумав мотив?
 За окнами мир, который не раз, уж ввергали,
 В горнило страданий, со вздором его перспектив.
 Земли, за решением проблем, заметна усталости мина,
 Морщинами гор озадачен причудливый лоб.
 Двадцатого века на них исходит уже половина,
 Но где же то время, чтобы покоем легло б?
 Далёких времён кинофильм вращает отчётливо кадры.
 Канву знаменательных дат сменяют в тиши вечера.
 Запоем разврата насыщена ночь Клеопатры,
 Беспутный Антоний покончил с собою вчера.
 Египет, как мумия жёлт, в пленительной сказке Востока,
 Обложен громадой веков, давно исчерпавших лимит.
 И тут фараоны и знать, рабов понукая жестоко,
 К смущённому солнцу возводят абсурд пирамид.
 Эллада ярка, как триумф с успехом, разыгранной пьесы.
 Праматерь наук и искусств, в руинах копит времена.
 Тут насмерть гоплиты стоят, жестоко наказаны персы.
 Расправ и событий поток преступно меняет тона.
 В Афинах Перикл хитрит, рабы и метеки в обиде.
 Философы с пеной у рта, превратно трактуют закон.
 И гений свой в мрамор, вложив, в изгнании теряется Фидий.
 Концовкой к поэме эпох на взгорье предстал Парфенон.

Событий кочующий вал... судеб беспощадна гиена.
 Народы в азартной игре борьбы напрягают накал.
 Эмблемой кружения сил дымятся следы Карфагена,
 Нестойким величием побед, тут тенью прошёл Ганнибал.
 И деспотом выглядит Рим. Восстаньям конца нет и круто,
 С ним насмерть схватился Спартак, сурово отчаян и горд.
 И ночь тирании на миг озаряется лезвием Брута,
 И следом мрачнеет над трупами, сдавших кагорт.
 Рим грозен, заносчив, жесток, себе не представит он цену.
 Разбитые царства лежат, пресмыкаясь у ног,

Но варвар из мрака веков, историей вызван на сцену,
 Нулём опоясал его пресловутый итог.
 Свежа у планеты гряда вчерашних её впечатлений,
 Что летопись, через века, как ветошь доносит до нас,
 Охватом культур и эпох, тернистым путём поколений,
 Печальной кантатой, несвязной вибрацией фраз.
 Где с треском, один за другим, летят с пьедесталов колоссы.
 И вспышки идей и надежд в ничто превращаются в миг.
 До спазм напрягая мозги, никто не решает вопросы,
 Никто не спасёт от убийств, от обид и интриг.
 Проявлен во всём интерес, но всё до предела знакомо:
 На ощупь, как будто во тьме, лишённый любви и опеки,
 Неясным движеньем путей, невзрачным скользя насекомым,
 На темени жухлом земли куда-то бредёт человек.
 Всё из небытия в небытие. Всё также свирепствует Лета –
 Несметных желаний экспресс внезапно слетит под откос.
 Нас трезвостью смерть осенит, свидетелем будет планета,
 Вконец обезличив и пеплом вгоняя в хаос.

Обиды друг другу простим, любовь до небес возвеличим.
 И яд превосходства отбросим в помойную грязь,
 А то уже атом привстал, грозя беспощадным обличьем,
 С моралью поспешно теряя последнюю связь.
 Поднимем же чаши, мой брат, быть может, осталось уж мало?
 Здесь жизнь, как сомнительный дар,
 как вечность вручает лишь раз.

Чтоб золото Креза и блеск потухших побед Ганнибала,
 Ни слава Шекспира не встали б барьером меж нас.
 За мёрзлым узором окна туманно рисуются дали.
 Как видно Художник избрал, совсем не подумав мотив.
 За окнами мир, который не раз уж ввергали,
 В горнило страданий, со вздором его перспектив.

Армянский храм. Крым (слева)
Х. м., 43×41, 1936 г.

Бахчисарай. Вид на ханский дворец.
Цветной мел, 39×56, 1935 г.

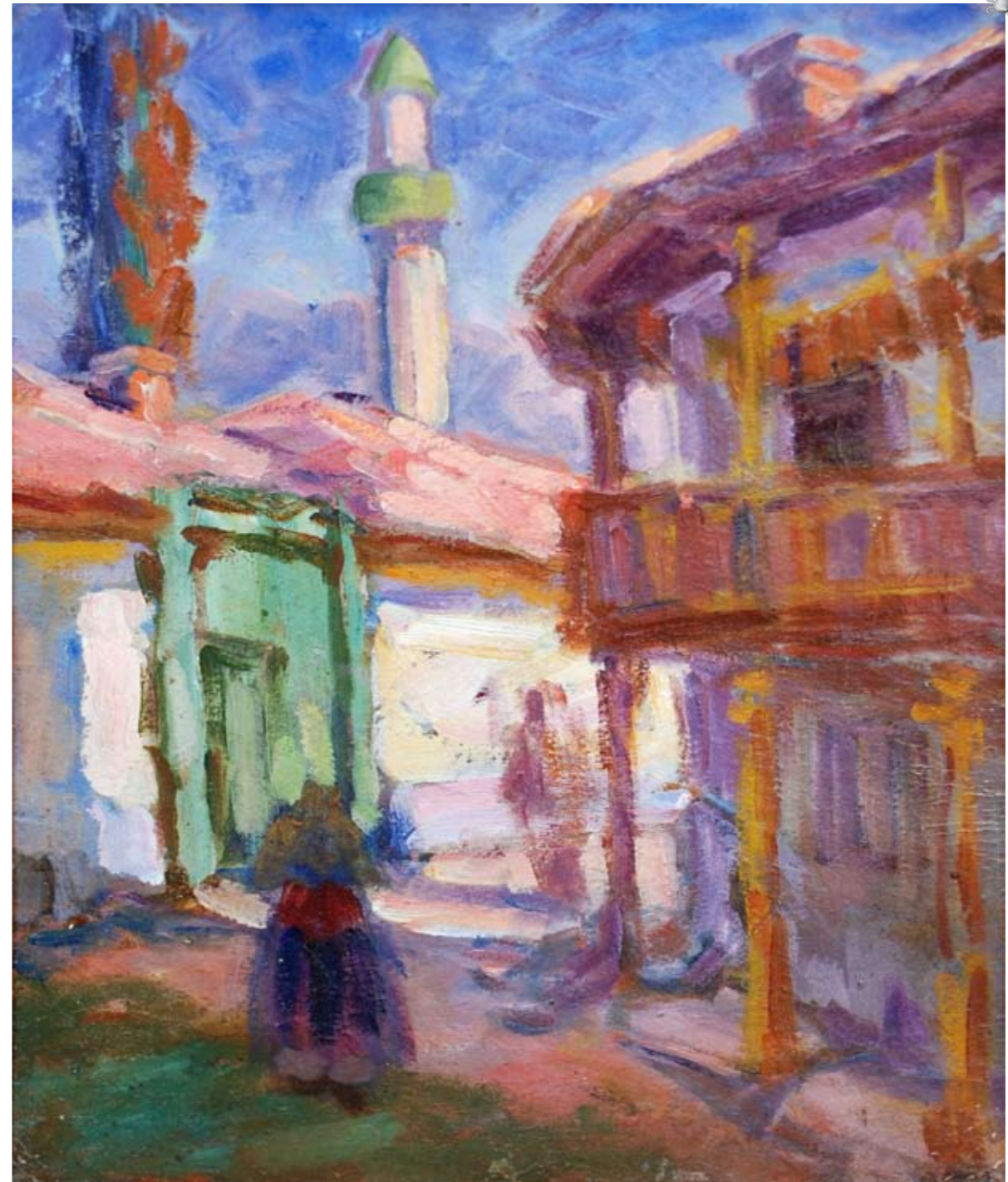
Бахчисарай. Старый шашлычник.
Х.м., 73×61, 1940 г.

Этюд к «Старому шашлычнику»

Бахчисарай.
Этюд с минаретом.
Х.м., 32×34, 1932 г.

Бахчисарай.
Татарская улица. Х.м., 35×48, 1939 г.

Сибирская весна. Задворки.
Х.м., 30×40, 1951 г.

Портрет отца.
Х.м., 102×72, 1939 г.

Судак. Генуэзская башня

если не через разворот -
будет очень маленькая

Натюрморт с трубкой.
Дерево м., 30×59, 1938 г.

Натюрморт
с чернильницей.
Х.м., 60×50, 1934 г.

Пилорама на окраине села.
Х.м., 24×40.

Портрет жены.
Х.м., 50×34, 1942 г.

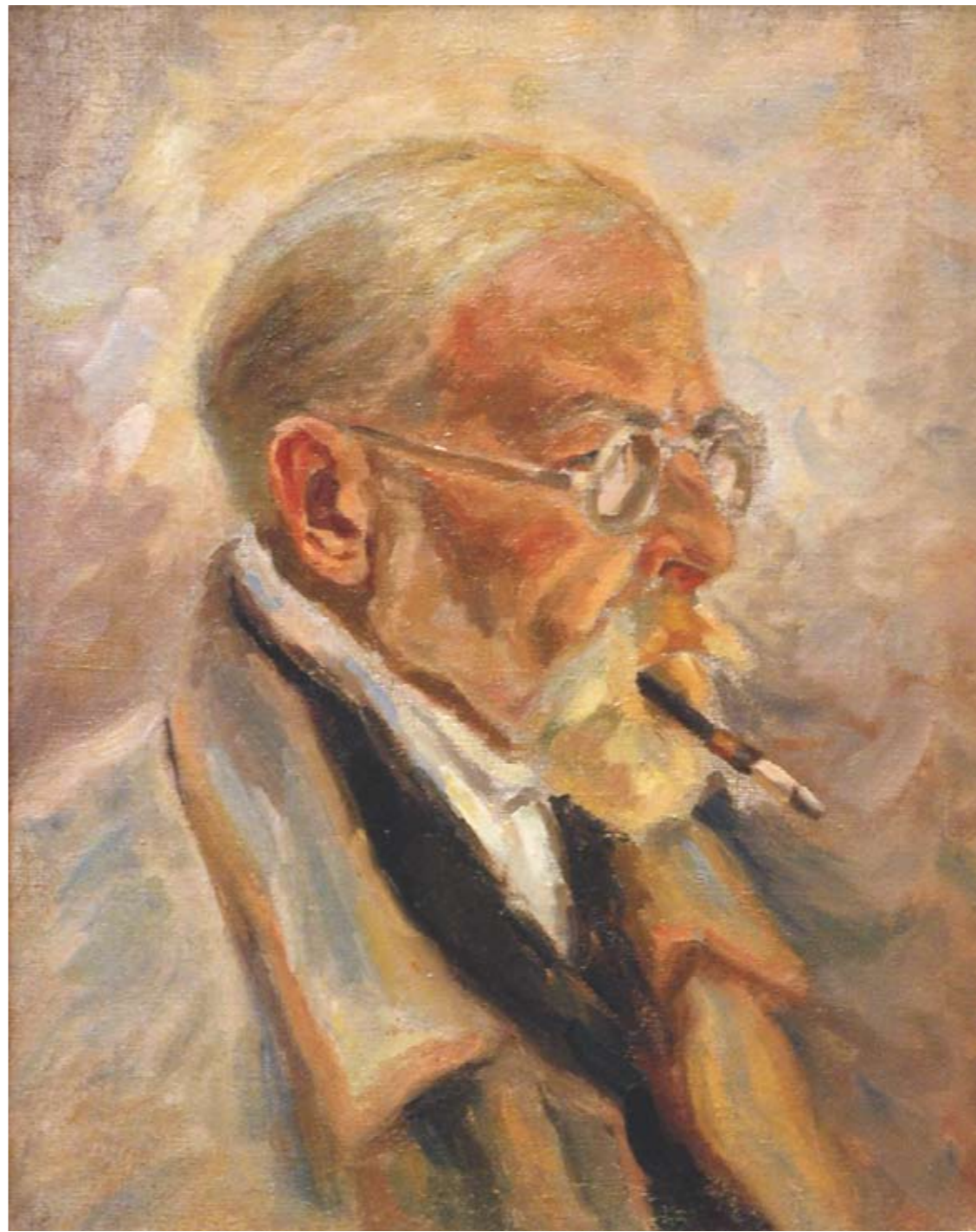
Портрет друга
(Синикирим).
Х.м., 59×44, 1952 г.

Портрет
С.В. Рахманинова

Портрет учителя,
академика
Н.С. Самокиша.
Х.м., 40×32, 1943 г.

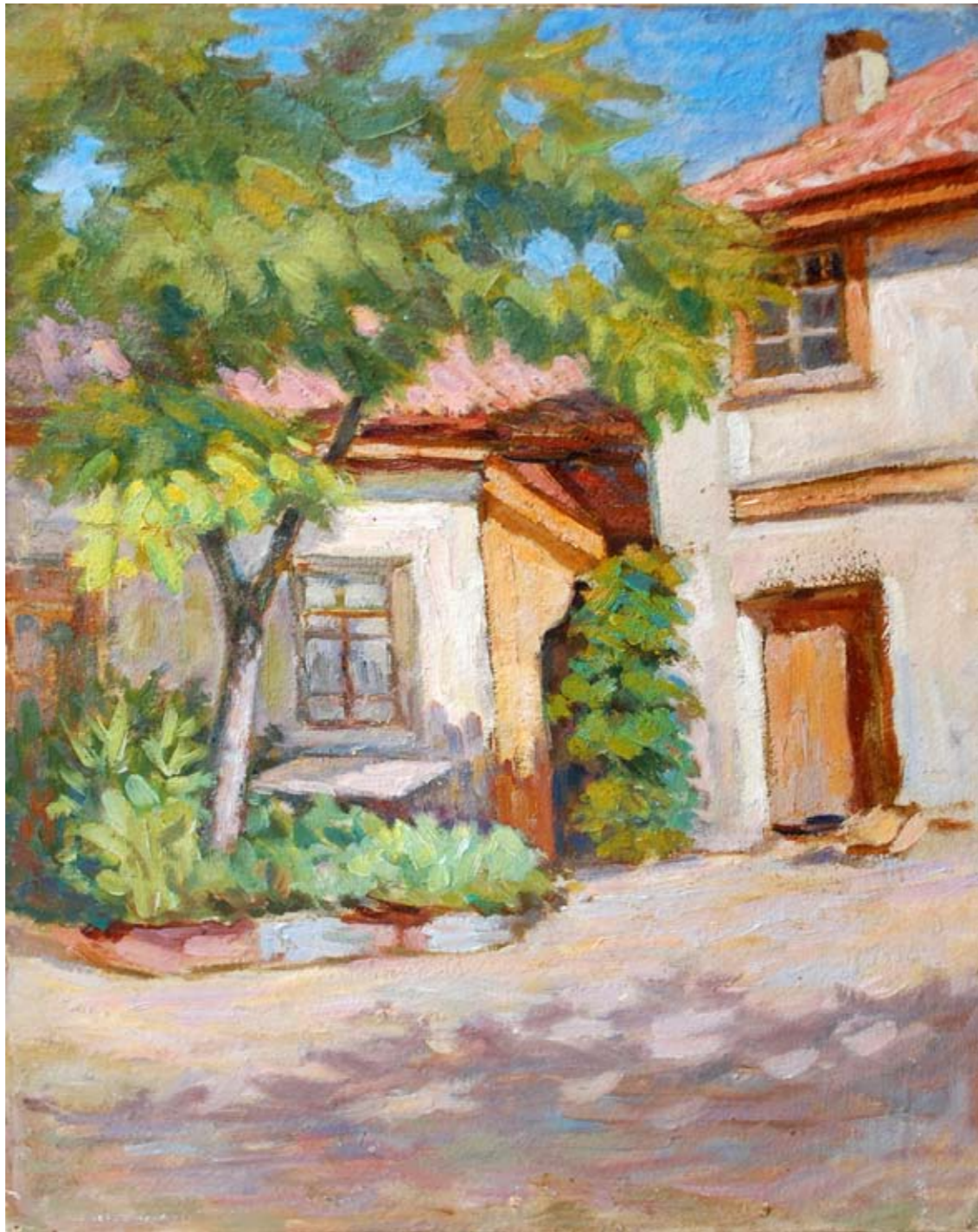

Сибирский поселок. Прокопьевск зимой.
Х.м., 50×51, 1948 г.

Сибирский поселок. Прокопьевск летом.
Х.м., 50×53, 1948 г.

Симферополь.
Фонтанная, 6.
К.м., 51×34, 1943 г.

Симферопольский двор.
Старая акация.
Х.м., 1929 г.

Симферопольский
дворик зимой.
Х.м., 44×29, 1940 г.

Судак. Совхоз Вельст.
Х.м., 39×58, май 1938 г.

Рязанов Валерий Васильевич
Сурженко Татьяна Арменаковна

Жизнь замечательных нахичеванцев

Ответственный редактор *Н. В. Мирзабекова*

На обложке: Автопортрет художника (не закончен),
Гурзуф. Жаркий полдень

Формат 210x210. Бумага мелованная, 90 г/кв.м.
Тираж 500 экз. Заказ № 1080.
Издательство ООО «Ковчег»
344064, Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 59 «к»,
e-mail: nnd@aanet.ru, +7 (863) 219-59-44.

Отпечатано в типографии «Лаки Пак» (ИП Елизарова Е.Н.):
г. Ростов-на-Дону, ул. Мечникова, 112,
тел.: (863) 232-08-78, 210-03-11, факс 231-85-14.

